

Beata Gojło

Âzyk stihotvorenij russkih zaklûčënnyh kak svoeobraznyj sociolingvističeskij dokument tûremnoj dejstvitel'nosti 80-90-yh gg. XX veka

---

Acta Neophilologica 9, 155-166

2007

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Beata Gajlo
Olsztyn

ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ РУССКИХ ЗАКЛЮЧЁННЫХ КАК СВОЕОБРАЗНЫЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ ТЮРЕМНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 80-90-ЫХ ГГ. XX ВЕКА

Słowa kluczowe: imprisonment poetry, imprisonment literature, imprisonment subculture, perestroika

Система уголовного правосудия, сложившаяся в XIX веке под влиянием идей мыслителей эпохи Просвещения и прежде всего Чезаре Беккариа, в XX веке, особенно после падения коммунизма, обнаружила свою полную несостоятельность. Она становится всё более разорительной для общества, неэффективной с точки зрения социально значимых целей, не выявляющей реальных проблем и конфликтов, а загоняющей их внутрь. Поиски путей преодоления кризиса привели к появлению новых моделей правосудия, возникновению общественного движения за восстановительную юстицию, которая решает проблему восстановления справедливости, а не вопрос «Как наказать преступника?»¹. Осознание факта, что современная система уголовного правосудия и наказания не только не выполняет задач, декларируемых её функционерами, но и порождает проблемы, справиться с которыми обществу сложнее, чем с преступностью, было исходной точкой к представлению настоящей правды о русской тюрьме жителям всей страны. Самым главным и достоверным источником информации послужила литература периода гласности и перестройки.

Причисляемые к литературе факта и заслуживающие особого внимания тексты, которые описывают трагические судьбы заключённых, – это в первую очередь *Архипелаг Гулаг* Александра Солженицына и другое его уникальное произведение, повесть *Один день Ивана Денисовича*². К теме тюремной действительности обращался и Варлам Шаламов в *Колымских рассказах*, представляя невыносимый мир абсурда, погружающий людей в состояние небытия, когда из человека уходят все чувства и мысли, превращая его

¹ Сравни: *Воля сквозь призму тюремного мира. Сборник публикаций*, Москва 2002, ч. 1, с. 3.

² См. напр.: L. Suchanek, *Aleksander Solżenicyn. Pisarz i publicysta*, Kraków 1994; S. Poręba, *Aleksander Solżenicyn*, Katowice 1992.

в животное³. В произведении же *Калина красная* Василия Шукшина мы можем познакомиться с другой стороной тюремной действительности, с жизнью после выхода из места лишения свободы; эта жизнь оказывается не менее сложной, чем за решёткой⁴. Похожие «тюремные» мотивы и образы мы находим в творчестве других современных русских писателей, напр., в рассказе Людмилы Петрушевской *Такая девочка*⁵.

И в настоящее время в русских тюрьмах находятся пишущие люди: пожилые, среднего возраста, совсем молодые, мужчины и женщины; в основном произведения (стихи) пишут мужчины, большинству из них примерно 30–32 года. Они начинают писать, главным образом, сразу после лишения свободы. Женщины переживают тюремные страсти более сдержанно. Их высказывания другого типа, это обычно размышления в форме дневников. Даже несовершеннолетние реже выбирают лирический путь. Им легче высказать себя в письмах или рассказах. Таланты среди заключённых появляются при глубокой потребности высказать своё мнение, выразить самого себя. Хотя уровень возникающих произведений невысокий, так как большинство пишущих узников это люди без образования, но форма, содержание и качество продукции эзков разнообразные, начиная с очень кратких, повседневных оборотов и выражений, и заканчивая даже романом. Главными носителями чувств и эмоций арестованных являются, однако, стихотворения. Именно (псевдо)лирика составляет большинство среди произведений авторов-заключённых, так как она предоставляет немалые возможности для выражения „ценностей” тюремной субкультуры и раскрытия собственного, не обязательно очень оригинального, мировоззрения.

Особо интересными оказываются стихотворения узников, возникшие именно в 80–90-ые гг. XX века. Смело можно утверждать, что (псевдо)поэтический труд настоящих, а также потенциальных писателей-заключённых, рождающийся в тяжёлых условиях лишения свободы, – это сегодня своеобразное литературное, социолингвистическое и культурное явление⁶. Возникшие в годы перестройки и гласности тексты русских узников стали ценным источником информации о них самих и тюремной действительности того времени. Материалом для рассуждений на тему (псевдо)литературного творчества русских заключённых являются в данной статье лирические произведения, собранные бывшей заключённой, Любой Небреничной⁷. Подробный анализ избранных стихотворений позволит

³ См. напр.: F. Aranowicz, „Nowa proza” *Wartłama Szalamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej*, Gdańsk 1996, 1998.

⁴ См. напр.: В. Апухтина, *Проза В. Шукшина*, Москва 1984; В. Коробов, *Василий Шукшин. Творчество. Личность*, Москва 1977.

⁵ См. напр.: W. Piłat, *Świat poetycki dramatów Ludmiły Pietruszewskiej*, в: *Z badań nad językiem i współczesną literaturą rosyjską*, Studia i Materiały, Olsztyn 1990, t. 20, s. 25–36.

⁶ См. напр.: G. Ojcewicz, *Alkoholizm w gwarze rosyjskojęzycznych przestępców. Autoportret środowiska*, Przegląd Rusycystyczny 2004, 4, s. 55–70.

⁷ *Сборник стихов заключённых*, передан Л. Небреничной на электронном носителе. Источником анализа служит также работа: *Тюремные хроники. Альманах*, под редакцией Л. Небреничной и В.Ф. Абрамкина, Москва 1999, выпуск 1.

лучше познакомиться не только с жизненным опытом авторов, накопленным за решёткой, но также охарактеризовать поэтику и специфику их мировоззрения, закреплённую в структуре конкретного текста. Обнаружит также не использованные до сих пор русскими заключёнными потенциальные возможности настоящего литературного эксперимента с классикой⁸.

Количество людей, пишущих стихи в тюрьме, совсем немало⁹. И хотя авторы-заключённые вне мест лишения свободы остаются абсолютно неизвестными для широкого читателя, то их присутствие в творческой жизни страны и тюремной поэзии всё больше замечается читателями, свидетельствуя о постепенном расширении пространства внутренней свободы, а также снижении страха перед жестокостью пенитенциарной системы¹⁰. Параллельно с растущей перестройкой и гласностью уменьшается неправда в описании тяжёлой тюремной действительности в России. Поэты-заключённые пишут обо всём, не обходят стыдливые темы, нередко рисуют картину семьи, лишённой тепла и внутренних связей, или молодёжи, уставшей от нервной жизни, агрессивных молодых людей, разочарованных результатами политически-общественных перемен. Именно в этом, кажется, и заключается определённая социолингвистически-документальная ценность современных стихотворений, написанных русскими заключёнными.

Сочинения узников своеобразны по своей структуре и содержанию. Большинство из них, учитывая стиль и композицию, смешанного типа; они лишены жанровой «чистоты» прежде всего из-за отсутствия литературного образования (и во многих случаях вообще общего образования) пишущих. Но есть в текстах и такие места, которые позволяют идентифицировать написанное как философскую, любовную, описательную или прощальную лирику¹¹. Нередко появляется ода и элегия. В большинстве случаев лирические произведения узников похожи в основном тематически друг на друга, а их особая, индивидуальная «ценность» заключается в том, что они с помощью несложных языковых конструкций, оборотов и выражений фиксируют универсальные, жизненные правды¹².

Чисто литературное и псевдолитературное творчество авторов-заключённых это бесценный источник знаний о жизни в условиях лишения свободы. Их

---

⁸ G. Ojsewicz, *O блатном эксперименте с Пушкиным, или Я вас любил в версии арго*, w: *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*, red. J. Bartoszewska, W. Mokijenko, H. Walter. Gdańsk 2004, s. 197. Zob. także: tegoż, „Выхожу один я на дорогу” Michaila Lermontowa a „Без конвоя выломлюсь на трассе” Fimy Žiganca, *Przegląd Rusycystyczny* 2002, 3, s. 85.

⁹ Из письма Л. Небренничной, которое прозвучало в одном из выпусков *Облаков* – радиопередачи для заключённых, в: *Тюремные хроники. Альманах*, под редакцией Л. Небренничной и В.Ф. Абрамкина, Москва 1999, выпуск 1, с. 8.

¹⁰ Сравни: *Тюремные хроники...*, с. 3.

¹¹ Опираюсь на жанры, предложенные в книге: M. Głowiński, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, *Zarys teorii literatury*, Warszawa 1975, s. 303–312.

¹² На результат такого типа творчества влияют, во-первых, общественные условия возникновения стихотворения и, во-вторых, эстетический взгляд автора, т.е. то, как он понимает функции, выполняемые стихотворением.

произведения становятся своего рода борьбой с жестокой государственной машиной, борьбой за человека и человеческое в нём, за право на сохранение индивидуальности даже в тюрьме. Тексты заключённых выполняют также очищающие функции, ибо они неоднократно уничтожают негативные эмоции, накопленные за решёткой¹³. Творчество русских заключённых несомненно вносит что-то оживляющее и хорошее в повседневную тюремную монотонность. И хотя их сочинения беспрерывно напоминают об утраченном мире, они, парадоксально, порождают надежду, указывая на потенциальную возможность возвращения к прошлому и тем, кто остался на свободе.

Язык, как известно, является важнейшим элементом культуры, средством познания мира, передачи информации, а также создания художественных образов в литературных произведениях¹⁴. Он неразрывно связан с процессом формирования человека в любых социальных условиях: благополучных и неблагополучных, на свободе и в заключении. То, как думаем и как мыслим, отражает индивидуальный жизненный опыт человека, его склад ума, степень общей культуры, психологический тип и т.д., поскольку язык «идентифицирует эмоции человека и, в конечном итоге, определяет специфику сознания»¹⁵.

Органичную часть русского национального языка, существующую на базе общенационального русского языка, составляет так называемая «русская феня»¹⁶, используемая в целях общения заключёнными различных исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Этот интержаргон объединяет определённую лексику, которая позволяет зэкам общаться друг с другом в более сжатой семантически и эмоционально форме, чем «обычные» языковые средства. Язык (псевдо)литературных произведений узников и бывших заключённых является главнейшим элементом, способным отражать тюремную культуру. Он имеет свой стиль и структуру, и хотя не опирается в основном на «благую музыку», то чувствуется её присутствие в мрачной атмосфере возникших за колючей проволокой текстов.

Важнейшей функцией поэтического языка является выражение смысла и передача значений¹⁷. Цель высказываний заключённых похожа: информировать обо всём, что происходит, включая в круг наблюдений людей и дела, мысли и чувства. От репортажа к молитве, от тихого монолога к громкому диалогу, от согласия на жизнь к неприятию её – таковы крайние коммуникативные поля

---

¹³ A. Oryńska, *Walka na słowa. O pewnych zachowaniach magicznojęzykowych w gwarze więziennej i w subkulturze dzieci i nastolatków*, w: *Język a kultura*, tom 3, Wrocław 1991, s. 81.

¹⁴ W. Bielousowa, A. Markunas, *В мире культурологических понятий, идей, направлений*, Poznań 2004, с. 233.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Синонимы: *блатная музыка, рыбий язык, стук по блату, акцент, уголовный жаргон*. См. также: В. Быков, „Блатная музыка” и „феня”: *заимствования в русском аргоне*, Край Смоленский 1999, 4–6, с. 36–45; того же, *Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта* (дисерт. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук), Москва 2001.

¹⁷ *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, ред. и сост. А. Н. Николюкин, Москва 2003, с. 1258.

творчества заключённых¹⁸. «В числе грамматических категорий, используемых для соответствий по сходству или контрасту, в поэзии выступают все разряды изменяемых и неизменяемых частей речи, числа, роды, падежи, времена, виды, наклонения, залого, классы отвлечённых и конкретных слов, отрицания, и неличные глагольные формы, определённые и неопределённые местоимения или члены и, наконец, различные синтаксические единицы и конструкции финитные»¹⁹. Языку тюремной поэзии также присущи эти черты, но легко замечается разница в направленности лексического запаса: словесная база узников стремится прежде всего к представлению фактов, относящихся к тюремной действительности («обыкновенные» ситуации, чрезвычайные происшествия, «нормальные» и жаргонные названия предметов тюремного обихода, глубокие чувства, сильные эмоции и т. п.).

Поэтический образ как таковой обычно неоднозначен, ибо неоднократно соединяет в себе прямое и переносное значения, так как «действительный смысл отдельного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле»²⁰. В тюремной поэзии ситуация выплывает решительно иначе: здесь прямое значение ставится перед переносным, всё кажется дословным, интерпретационно закрытым. Не только склад ума автора, но и арестантская среда диктует структурные и стилистические выборы. Язык произведений подтверждает связь с тюремной традицией, с языковым прошлым, бытующим в русских местах лишения свободы. В текстах появляются устаревшие слова, напр., *доселе*²¹, *рядить*²², *стезя*²³ или почерпнутые из преступного жаргона, как *шпана*²⁴, но чаще всего встречаются просторечия, напр. *дюжий*²⁵, *слякоть*²⁶, *озорной*²⁷. И если иногда для выражения поэтического значения, «более широкого» или «более далёкого», настоящий художник свободно и с чётко определённой целью пользуется формами бытового языка, то в произведениях заключённых эти слова не выполняют функции языкового «украшения», так как они типичны для стихов эзков и характеризуются исключительно прямым значением.

Как известно, особое место среди языковых средств строения двузначности занимает инверсия²⁸. В поэзии порядок слов свободнее, и поэтому его нарушение

¹⁸ См. напр.: С. А. Снегов, *Язык, который ненавидит (Преступление и наказание в мировой практике)*, Москва 1992; того же, *Толковый словарь лагерного-воровского языка: Преступление и наказание в мировой практике*, Москва 1992.

¹⁹ Р. Якобсон, *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*, Poetics. Poetyka. Поэтика 1961, 1, s. 404.

²⁰ *Литературная энциклопедия...*, с. 1258.

²¹ Доселе – przest. dotąd, dotychczas, *Wielki słownik rosyjsko-polski*, pod red. A. Mirowicza i in., Warszawa 1970, 1993, s. 284.

²² Рядить – pot. 1. przest. (одевать) ubierać, 2. przest. (наряжать) stroić, *Wielki...*, s. 399.

²³ Стезя – przest. górnol. droga, *Wielki...*, s. 532.

²⁴ Шпана – wulg. gm. łobuz, chuligan, grandziarz, rzezimieszek, ulicznik, *Wielki...*, s. 756.

²⁵ Дюжий – pot. silny, mocny, tęgi, krzepki, *Wielki...*, s. 297.

²⁶ Слякоть – pot. (сырая погода) ślota, plucha, szaruga, *Wielki...*, s. 472.

²⁷ Озорной – pot. łobuzerski, psotny, gm. (скандальный, буйный) rozrabiacki, awanturiczny, skłonny do burd, *Wielki...*, s. 791.

²⁸ См. нпр.: *Литературная синтактика*, в: А. Chojnacki, *Poetyka*, Warszawa 1987, s. 64; см. тоже: *Środki składniowe*, в: М. Głowiński, А. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, *Zarys...*, s. 127; В. Chrzóstowska, S. Wysłouch, *Poetyka stosowana*, Warszawa 1987, s. 346.

менее значимо. Но грамматическая свобода в стихе строго ограничена размером и рифмой. В творчестве заключённых замечается свобода в строении строфы. Их количество подчинено чаще всего количеству информации, которые автор пытается передать. Коммуникативный аспект содержания оказывается важнее старательного поэтического формализма. «Тюремная» инверсия, как правило, проста, напр.: «Кружит позёмкой снег февральский»²⁹, «Как роняет луна в вечность муки слезу»³⁰, «И умирая день за днем кричит от скуки»³¹.

«Особенности синтаксиса в поэтическом языке могут заключаться в использовании разного рода нелитературных конструкций: иноязычных, архаических или разговорных. Синтаксис разговорной и художественной речи сближают в т.ч. нередкие пропуски грамматически подразумеваемых форм, но функции, напр., эллипсиса в литературе и за её пределами часто не совпадают»³²: в поэтической речи восстановление членов часто «невозможно и нежелательно, так как неопределённо многозначная семантика в большей степени отвечает замыслу поэта»³³. В приведённых строках произведения Игоря Безродного *Реквием 2*: «Когда ответ: – Факел – скелет!» и «Некуда теперь...»³⁴ нет подлежащего и сказуемого, что сразу напоминает употребление разговорных конструкций. Но отсутствие глагольных сказуемых не только не лишает строк динамики, но на оборот, ещё её усиливает, подчёркивая стремление к неизбежному.

Особую группу литературного синтаксиса составляют риторические фигуры³⁵, главная цель которых выразить удивление, радость, тревогу, изумление, гнев, т.е. представить активное участие и увлечение субъекта в произведении. К наиболее распространённым фигурам принадлежат риторические вопросы типа «Не ты-ль отверг, что ныне просишь ты?»³⁶ и восклицания, напр., «Мысли о себе, то каким войдёшь из судьбы своей в двери нового!...»³⁷. К риторическим фигурам относим также апострофы, сравнительно часто встречаемые в текстах заключённых, напр.: «Умри, моя любовь, и навсегда»³⁸ или: «Башкирия! К тебе я обращаюсь»³⁹. Для большинства анализируемых произведений характерны высказывания, насыщенные эмоциями. Эти фразы легко принимаются остальными узниками как собственные мысли и чувства. Много раз в стихотворениях появляются местоимения: «мы», «нас», «нам».

²⁹ А. Абдурахманинов, *Прожектор режет мглу предутра*, в: *Сборник...*, [текст 3].

³⁰ И. Безроднов, *Юность...*, в: *Сборник...*, [текст 5].

³¹ *Ibidem*.

³² *Литературная энциклопедия...*, с. 1260.

³³ И. И. Ковтунова, *Принцип неполной определённости и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века*, в: *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории; Синтаксис текста*, Москва 1993, с. 149.

³⁴ И. Безроднов, *Реквием 2*, в: *Сборник...*, [текст 7].

³⁵ Сравни: В. Chrzastowska, S. Wyslouch, *Poetyka...*, s. 273.

³⁶ И. Безроднов, *Юность...*, в: *Сборник...*, [текст 5].

³⁷ И. Безроднов, *Реквием 3*, в: *Сборник...*, [текст 6].

³⁸ С. Чужой, *Умри, моя наивная любовь*, в: *Сборник...*, [текст 17].

³⁹ А. Кузнецов, *Башкирия – капризная невеста*, в: *Сборник...*, [текст 4].

Такая авторская позиция, сводящаяся к своеобразному коллективному субъекту, имеет свою серьёзную основу. В древней Греции как элемент общественной жизни существовала так называемая хоровая лирика⁴⁰. Её роль была значительна. Поэты прибегали к ней с агитационной целью, а также чтобы выразить всеобщие испытания или подчеркнуть коллективный характер переживаемого. Парадоксально, исторический опыт нашёл своё новое воплощение именно в... тюрьме, где все заключённые пребывают в похожих условиях, т.е. для них характерен упомянутый коллективный характер переживаемого. Ужасные впечатления, связанные с судебным разбирательством, а потом шоком, вызванным арестом, не дают заключённым покоя. Именно поэтому они так дорожат (псевдо)поэтической возможностью говорить о них, чтобы разделить с союзниками свою боль и злость на судьбу из-за утраченной свободы.

Для того, чтобы эффективно отобразить эмоциональное напряжение субъекта, (псевдо)поэтическое слово авторов-заключённых принимает нередко форму эллипсиса⁴¹. В текстах эзков встречаются типичные примеры: «Между нами толстая стена...»⁴², «И шептала твоё только имя, Отдавая же тело... ему»⁴³. То, что здесь пропущено, нетрудно установить благодаря языковой традиции; такой пропуск легко распознать, он семантически не сложен. Иначе дело выглядит в высокой, настоящей поэзии, где восстановление пропущенных членов предложения (строфы) является иногда задачей трудной, осложняющей интерпретацию текста. Деконструктивисты вообще не нуждались бы в разгадке окончательного смысла произведения. Многозначная же семантика в большей степени свойственна т. н. трудной поэзии, требующей определённых читательских знаний и умений⁴⁴.

Иным видом умолчания оказывается бессоюзие, подчёркивающее значение перечисляемых слов, за которыми стоят конкретные факты и чувства. Хорошим примером является здесь стихотворение Любы Небреничной из серии *О войне*: «Кизляр. Ямя. Война. Это праздник крыс. Это праздник мух»⁴⁵, или отрывки из произведения Игоря Безроднова *Тюремные дороги*: «Сквозь разлады, Боль, нервы, кошмар»⁴⁶. Цель употребления бессоюзной конструкции заключается в передаче динамики окружающего мира, в усилении выразительности текста.

Бессоюзие противопоставляется многосоюзие, которым очень часто пользовались в своих произведениях модернисты, чтобы подчеркнуть изменчивость и быстротечность времени. Они воспринимали слово как комбинацию звуков и запахов, которые в состоянии воздействовать на все чувства

⁴⁰ Ср.: М. Głowiński, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, *Zarys...*, s. 285.

⁴¹ См.: *Литературная синтактика*, в: А. Chojnacki, *Poetyka...*, s. 65.

⁴² Е. Плотников, *Я устал от хитрых, хищных взглядов*, в: *Сборник...*, [текст 19].

⁴³ Е. Ковалёва, *Не смотри на меня так с упрёком*, в: *Сборник...*, [текст 30].

⁴⁴ См. нпр.: J. Sławiński, *O dzisiejszych normach czytania (znawców)*, *Teksty kultury* 1974, nr 3, s. 9–32.

⁴⁵ Л. Небренична, *О войне*, в: *Информационный вестник № 8*, ред. В. Ф. Абрамкина, Москва 1999, с. 6.

⁴⁶ И. Безроднов, *Тюремные дороги*, в: *Сборник...*, [текст 8].

читателей. Для поэтов того времени не существовали языковые ограничения⁴⁷, а одной из главных форм экспрессии стал скандал, проявляющийся в употреблении неологизмов, разговорных и просторечных конструкций. Таким способом они пробовали схватить момент и выразить своё очарование движением. Некоторые элемены, напоминающие программные решения русских модернистов в способе представления мира, мы находим в стихотворении Сергея Буша. Строка: «С вышек – свет прожекторов, Лай собак и блеск оков»⁴⁸ глубоко насыщена комбинацией звуков и цвета, в ней чувствуется пессимизм, вызванный одиночеством.

Сложность ситуации, в которой находятся поэты-заключённые, интересна и тем, что, даже мельчайшие подробности в окружении узника могут влиять на его творчество. Например, любая фотография становится настоящим сокровищем для осуждённого. Смотря на неё, он мечтает, планирует, радуется, но в то же время очень скучает, тяжело переживает разлуку, злится на судьбу и погружается в отчаянии. Вещь, которая является источником плохого состояния психики, даёт, всё-таки, надежду на будущее и позволяет сохранить смысл существования. Раздражение, вызванное реальностью, с которой узники ведут повседневный «бой», становится творческим импульсом. И это одновременно и нормально, и странно.

Произведения заключённых насыщены повторами в виде отдельных слов или словосочетаний и целых строк. В тюремных текстах встречаем довольно часто повторы первых слов каждого стиха в строфе (анафора) или словосочетаний, а также целых предложений. Примером служит отрывок из текста *Исповеди сокамерника* Игоря Безродного⁴⁹: Исповедь сокамерника

В душе – вязкий туман...
 В сердце – колокол
 Загудел из распахнутых ран,
 Ураганом смёл синь таежную,

 Значит - это свобода, братан.
 Ухожу из мирка прогорклого,
 Что Россия столь щедро дала,
 Нам взамен бытия человеческого
 Слепотою людского суда.
 Безразлично мне разное, многое
 Я в достатке за все пострадал,
 На колючей тропиночке лагеря
 Я довольно всего повидал.
 Как ослабившись в души плевали нам,
 Сапогом как дробили судьбу,
 Как давили морили нас карцером,
 И прикладом учили по лбу.

⁴⁷ Похожий подход к творчеству замечаем у авторов-заключённых.

⁴⁸ С. Буш, *Впереди два «ништяка»*, в: *Сборник...*, [текст 11].

⁴⁹ И. Безроднов, *Исповедь сокамерника*, в: *Сборник...*, [текст 9].

Научили чахоткой и голодом
На морозах в чем мать родила,
Чтоб вернуться нам в старое общество
Осознавшим плохие дела.
И за срок в той давяльне рожденные
Мы блуждали слепые, навзрыд.
Жизнью новой навечно ученые,
Что за слово быть можешь убит.
Боем, воем научно мы поняли
Всех ошибок опаснейший мрак
И себя повсеместно исправили,
Лютой злобой давя всякий страх.
И смотря на устоя государственных,
Деловито священных воров
Осознали: Россия деревнею
Еще будет сто тысяч веков.

В душе – вязкий туман...
В сердце колокол
Загудел из распахнутых ран.
Ураганом смёл синь протаежную...
«Но надолго ль отпустят, братан?»

Система повторяющихся единиц в пределах строфы, даже целого стихотворения служит не только ритмизации стиха, но прежде всего усилению его значения; повторы начинают неоднократно выполнять функцию рефрена, придавая стихотворению характер песни.

На повторе строится иногда градация. В стихотворении Татьяны Гордеевой мы находим достаточно интересный пример: «Что такое тюрьма? – Произвол! Что такое тюрьма? – Беспредел! Что такое тюрьма? – Волком вой. Что такое тюрьма? – Наш удел»⁵⁰, в котором очередные определения-толкования тюрьмы связаны с возрастающей эмоциональностью.

Поэтическая морфология допускает также нарушения в области словоизменения, т.е. изменения неизменяемых слов, а также конверсию (переход слова в другой грамматический разряд)⁵¹. Узники не пользуются этой возможностью в своём творчестве по коммуникационной причине, так как самое важное для них – быть вполне понятным, а намеренные морфологические эксперименты со словами могли бы только вводить информационный шум.

Стихотворения узников, как правило, больше действуют на эмоции читателя, чем на его интеллект. Учитывая узкий словарный запас у большинства авторов-заключённых, язык их сочинений напоминает в основном обыкновенную разговорную речь, далёкую от высокопарной поэзии. Следует однако упомянуть о наличии в тюремных текстах довольно большого количества эпитетов, как

⁵⁰ Т. Гордеева, *Что такое тюрьма?* в: *Сборник...*, [текст 24].

⁵¹ *Литературная энциклопедия...*, с. 1260.

представителя стилистических тропов, указывающих на арестантскую жизнь: *холодная ночь, новая жизнь, длинный звонок, путь бесконечный, синий небосвод, вязкий туман, опаснейший мрак* и др. Но в текстах зэков встречаются и эпитеты повышенного, хотя совсем традиционного регистра, метафорические: *пьяная тоска, вечная дорога, ветер губительный, наивная любовь, больная душа, глаза беспокойства, плач тюремный, вечный засов* и др.

Выразительному выражению свойств предмета служат сравнения, которые сильнее и ярче подчёркивают иногда его черты, чем эпитет. В произведениях заключённых мы находим прежде всего простые сравнения. Подходящим примером будет строфа из стихотворения Евгения Плотникова: «Господи, из лагерного ада, / К дому мне тропинку положи. / Светлую, как утренние росы, / Тёплую, как солнышка лучи, Нежную, как майский лист берёзы, / Мягкую, как талый воск свечи!»⁵². Строки, хотя незатейливые, выразительно свидетельствуют о сильном переживании факта лишения свободы. Однако, психическое состояние тех, кто нашёл в себе творческую силу, намного лучше. Заключённые всё время глубоко анализируют каждый прожитый ими день и у них обостряются чувства. Авторы-заключённые более сознательны в своём положении, сильнее и сдержаннее, так как творчество помогает им лучше понять самих себя, случившееся и перспективу, связанную с возвращением на свободу.

Что касается активности иного тропа, метафоры, надо отметить, что она не часто появляется в стихах заключённых, подтверждая зависимость существования данного стилистического средства в литературных текстах от интеллектуальных возможностей самого автора, а также читательских способностей воспринимателей. Метафоры, относительно редко выступающие в стихотворениях узников, не надуманные, понятные другим зэкам, образные, напр., «Память смертной тоской обнимает за плечи»⁵³, «Эх, разгула душа моя просит»⁵⁴, «Жизни весёлую гроздь съела усталая лень»⁵⁵; «Счастье мятежное прыгнет наружу»⁵⁶, «Скачет дикий табун по душе моей, топчет живые раны минувших лет»⁵⁷. Развёрнутая метафора иногда превращается в аллегорию. Здесь очень хорошим примером будет стихотворение Любы Небреничной, в котором она, посредством описания жизни стаи волков, представляет положение узников: «Кто-то падалью сыт, / Ну, а кто-то, питается кровью. / Это злые волки, / Их дорога проложена болью»⁵⁸.

Эмоционализм заключённых, представленный в их стихотворениях, имплицитно указывает на наличие гиперболы. Правда, тюремные авторы употребляют её для выражения прежде всего негативных впечатлений и усиления читательской реакции. Очевидно, не все тюрьмы и колонии одинаковы, но проблемы в них

⁵² Е. Плотников, *Я устал ...*, в: *Сборник...*, [текст 19].

⁵³ С. Руднов-Чухров, *Снова письма твои...*, в: *Сборник...*, [текст 27].

⁵⁴ Е. Д. Исмаилов, *Письмо к другу*, в: *Сборник...*, [текст 1].

⁵⁵ Е. Ковалёва, *Я разлюбила людей*, в: *Сборник...*, [текст 29].

⁵⁶ Л. Небренична, *Дорогой Л. А.* в: *Сборник...*, [текст 14].

⁵⁷ В. К. Николаевна, *Скачет дикий табун*, в: *Тюремные хроники...*, с. 25.

⁵⁸ Л. Небреничная, *Волчий этап*, в: *Сборник...*, [текст 12].

одни и те же: слишком много народу и слишком мало и места, и денег на их содержание. Холод, темнота, сырость, каменные полы или вместо них просто грязь, убогие тюремные койки несомненно объединяют все учреждения пенитенциарной системы⁵⁹. Своё несчастное положение Владимир Ребров описывает так: «Впереди ведь другие случаи, но среди тысяч зон Та, в которой сейчас я мучаюсь – словно дьявольский сон»⁶⁰.

Произведениям заключённых свойственна несложная рифма. В анализируемых произведениях доминировали перекрёстные точные рифмы (abab), напр., *горшок – посошок; края – рая; суть – перевернуть; взрыва – нарыва*⁶¹. Редко встречаются смежные рифмы (aabb), напр., *отчаянных, рождаемых; сказано – безнаказанно*⁶². Исключительным примером является стихотворение Романа Наркаева *Дорогой Л.А.*, в котором выступают рифмы типа: abcb: *издыхание – тюрьма – свобода – видна // неволе – душа – птица – дыша*. Имеем дело с неточными рифмами. Они, чаще всего, появляются в нестрофических стихах, но их не так уж много, напр.: *стрелка – разделку; очень – ночью*⁶³; *даже – кражу; припадке – порядки*⁶⁴.

Рифма, как известно, выполняет очень важную функцию, связываясь с ритмикой произведения и его мелодикой, а следовательно, облегчает узникам заучивание стихов наизусть. В момент чтения своих текстов, происходит процесс отождествления исполнителя с героем произведения и слушающими. «Поэтическая обстановка» способствует повышению чувства солидарности группы.

Стихи заключённых, как нами подчёркивалось, характеризует повышенная экспрессия и эмоциональность. Усилия тюремных поэтов сосредоточиваются на том, чтобы вызвать у воспринимателя реакцию сочувствия. Их сочинения, какими бы они ни были, остаются достоверным источником знаний на тему их менталитета, системы оценок и способов поведения в арестантской среде. Стихи охватывают большое количество проблем, с которыми эки встречаются в тюрьме и этот факт является самым важным в зарождении (псевдо)литературного творчества заключённых.

Замкнутый мир, ограниченный со всех сторон стенами и решётками, сильно влияет на творчество заключённых. Трудно, однако, сказать, до какой степени тюрьма становится источником оригинальных творческих замыслов эков и фактором потенциального формального новаторства, если не забывать о том, что мир заключённых как будто застывает во время отсидки. За колючей проволокой сравнительно редко появляются новые лица, порядок дня не изменяется, тем более – размышления и чувства заключённых. Эту мысль хорошо подчёркивают слова тюремного поэта, известного под кличкой «Есенин»: «Все стихи мои – о зонах / И о тюрьмах, жизни в них. / О страдавших миллионах / И о страдающих живых»⁶⁵.

⁵⁹ *Человек и тюрьма...*, с. 11.

⁶⁰ В. Ребров, *Зарешечено ясно солнышко*, в: *Тюремные хроники...*, с. 18.

⁶¹ С. Чужой, *Источник провокаций*, в: *Сборник...*, [текст 18].

⁶² Е. Данилов-Исмаилов, *Письмо к другу*, в: *Сборник...*, [текст 1].

⁶³ *Ibidem*.

⁶⁴ Е. Данилов-Исмаилов, *В сердце боль, не тоска...*, в: *Сборник...*, [текст 2].

⁶⁵ «Есенин», *Не гулять мне на свободе*, в: *Тюремные хроники...*, с. 16.

Россия занимает первое место в мире по относительному количеству заключённых (720–780 на 100 тысяч населения). Рекордная численность арестованных, её постоянный рост в период 1989–1995 гг. связаны с социальными, культурными и экономическими причинами, которые привели к высокому уровню преступности⁶⁶. С тех времён появились новые подходы в уголовной политике, намеренные привести пенитенциарную систему страны в соответствие с требованиями Всемирной декларации прав человека⁶⁷. Учреждения лишения свободы стали в значительно большей степени открыты для журналистов и всякого рода комиссий⁶⁸, узникам разрешается более открыто высказывать свои мысли и чувства, а авторы стихотворений всё чаще ставят свою подпись под ново-возникшими произведениями, благодаря чему возрастающее распряжение за колючей проволокой становится постепенно более достижимым. Но всё-таки, представители любого ведомства охотно соглашались с тем, что даже и сегодня условия содержания заключённых бесчеловечны и губительны.

Тюремный мир на протяжении десятилетий выработал определённые способы защиты личности от произвола и деморализации. Одной из возможностей для сохранения себя как личности в весьма тяжёлых условиях оказалось именно литературное творчество. Такое явление, как (псевдо)поэтический труд арестованных, выработанный за 80.-90. гг. XX столетия, во-первых, намного обогащает субкультуру узников, так как кроме индивидуального его характера мы можем заметить значительное влияние традиции тюремной и лагерной поэзии на форму новых текстов, поскольку она содержит черты, типичные для фольклора и передаёт общий, а не индивидуальный опыт; во-вторых, труд заключённых оказывается источником их удовольствия в том смысле, что порождает надежду и утверждает их в правоте убеждения, что стоит бороться за свои права и не опускаться в борьбе с жестокой государственной машиной.

Summary

The starting point for the considering were selected works collected by Luba Nebreniczna. The analysis involves description of the language mechanisms that appear on the way of reflecting the imprisonment reality in the poems. There are considered functions of the poems' language and criminal argot importance for the culture. There are also discussed and characterized: stylistic, semantic, artistic way of expression, foreign words presence (taken from the dialects and colloquial speech). Usage of epithets, metaphors and comparisons is pointed out; rhymes and lines systems are described.

---

⁶⁶ См.: *Человек и тюрьма. Сборник информационных материалов*, Сост. В. Ф. Абрамкин, Москва 1998, с. 3-4.

⁶⁷ В 1996 году Россия вступила в Совет Европы.

⁶⁸ См.: *Малолетка*, в: В. Ф. Абрамкин, *Малолетка сегодня*, Москва 1998, с. 3.